

Некоторые госпожи невольно бросали украдкой взгляды на госпожу Чжэнь, не зная, беспокоятся ли они о том, что она снова начнет свои выходки, или же ждут зрелища. В любом случае, никто не спешил вставать.

На самом деле, госпожа Чжэнь хотела бы сказать что-то еще, но, увидев Линь Яньхуна и его сопровождающих, она замолчала.

Ведь иметь таких потомков — это действительно безупречное «счастье»!

Прокрутив в уме множество мыслей, госпожа Чжэнь так и не нашла подходящего повода для критики. Она хотела упомянуть о прошлом поэтическом собрании любования лотосами и о том, что Линь Цзюань не сдал экзамены, но в клане Линь внезапно появился настоящий Аньшоу.

Хотя Линь Яньхун и не был родным внуком Линь Тунши, но как приемный внук он имел полное право на это звание. Его успехи, по крайней мере в глазах окружающих, несомненно, приносили честь Линь Тунши.

— Если нельзя сказать ничего язвительного, то остается только попытаться посеять раздор...

Госпожа Чжэнь прикрыла рот платком и, вызвав у всех выражение «ну наконец-то», с радостью произнесла:

— Мне больше всего нравятся пьесы театра Цюаньцин, особенно та часть, где главный герой становится первым на экзаменах. Это действительно захватывающе, и к тому же это хорошее предзнаменование.

Линь Цзюань с прошлого года начал терпеть неудачи в учебе, а следующий государственный экзамен состоится только через два с лишним года. Поэтому это «предзнаменование успеха» выглядело скорее как насмешка.

Линь Тунши уже не собиралась быть с ней вежливой и, не задумываясь, ответила:

— Я помню, что у госпожи Чжэнь тоже есть ребенок, который учится в окружном училище. Думаю, вам должно быть интересно послушать эту пьесу... На этот раз вам стоит насладиться ей в полной мере.

— Ваш ребенок через три года, возможно, даже не сможет сдать экзамены, так что остается только слушать эту пьесу и мечтать, не так ли?

Госпожа Чжэнь сразу поняла скрытый смысл слов Линь Тунши, и ее улыбка застыла.

Линь Яньхун холодно наблюдал за их перепалкой, намеренно доставляя друг другу неудобства, притворяясь, что не понимает ссоры старших. Как и другие члены клана Линь, он вышел наружу.

У него было предчувствие — госпожа Чжэнь, похоже, что-то замышляет против него.

Линь Яньхун решил, что по возвращении все устроит так, чтобы эта женщина не смогла причинить вред ни ему, ни его близким.

День рождения Линь Тунши прошел шумно и без происшествий.

На лице Линь Яньхуна играла легкая улыбка, но всем сердцем он желал, чтобы праздник скорее закончился, и он мог бы избавиться от этой показной любви бабушки и внуков, семьи,

которая якобы живет в гармонии.

Проводив всех гостей вместе с Линь Цзюанем, Линь Яньхун устало направился обратно в Восточный двор.

Еще не дойдя до лунных ворот, он издалека увидел волчонка, сидящего у ворот и пристально смотрящего в его сторону, словно он ждал его уже давно.

Поскольку Линь Яньхун запретил волчонку выходить за пределы Восточного двора, тот бегал туда-сюда у ворот, с нетерпением ожидая его возвращения.

Увидев эту сцену, Линь Яньхун, который до этого был равнодушен, вдруг почувствовал тепло, мягкость и привязанность.

Словно подгоняемый ветром, он ускорил шаг, почти побежал к маленькому существу, наклонился и крепко обнял его.

— Ау-у, ау-у~ — Волчонок протянул лапки и крепко ухватился за одежду Линь Яньхуна, его хвостик радостно вилял, касаясь руки хозяина.

Няньбэй, стоявший рядом со своим молодым господином у ворот, словно не замечал, как тот в его объятиях, и спокойно стоял в стороне, практически не привлекая к себе внимания.

Линь Яньхун слегка приподнял волчонка, чтобы удобнее держать его.

После того как Ли Цзинчэн начал заниматься боевыми искусствами с Няньбэем, он сильно похудел. Хотя в последнее время его вес немного восстановился, он не выглядел «толстым». Возможно, его мышцы стали крепче, просто это было незаметно.

Линь Яньхун привел его в комнату. Ли Цзинчэн переоделся в соседней комнате и вышел, затем спокойно сел за стол Линь Яньхуна.

Его глубокие, загадочные глаза пристально смотрели на Линь Яньхуна. Его бесстрастное выражение лица никак не соответствовало обычному виду волчонка, словно он стал другим человеком — молчаливым и серьезным.

Большую часть времени в человеческом облике он тратил на тренировки, но всегда оставлял немного времени, чтобы Линь Яньхун мог посидеть с ним, пока он писал или переписывал книги.

Это стало их негласной привычкой, и если перед сном они не проводили так время, это казалось странным.

Линь Яньхун был уже очень усталым, но все же подошел к нему. Едва взглянув на Ли Цзинчэна, он увидел, как тот сам поднял руку с кистью и начал писать на бумаге.

Тишина и спокойствие в этот момент развеяли скуку и усталость дня. Даже наблюдение за тем, как Ли Цзинчэн пишет текст, который он уже знал наизусть, было гораздо интереснее, чем притворство перед Линь Тунши.

Думая об этом, он приблизился и, увидев, как Ли Цзинчэн слегка приподнимает запястье, легонько надавил на него пальцем, напоминая о правильном положении кисти.

В то время как Линь Яньхун не видел, Ли Цзинчэн взглянул на свою руку, которую тот

коснулся, и уголки его губ едва заметно приподнялись, а затем снова опустились.

Как будто подтверждая догадки Линь Яньхуна, на следующий день еще до полудня он получил сообщение от Хупо.

— Эхуан рано утром вызвали домой, и она пробыла там около двух часов, прежде чем вернуться.

Эхуан была одной из первых шпионок, которых госпожа Чжэнь внедрила в Восточный двор. Линь Яньхун даже не сомневался, что эта горничная вернулась с «заданием».

Эхуан, вернувшись домой, сидела в своей комнате, погруженная в мысли, словно потерянная.

В этот момент дверь внезапно постучали, и она, словно испуганная птица, чуть не вскрикнула.

Затем за дверью раздался голос Хупо:

— Сестра Эхуан, откройте, мне нужно с вами поговорить.

Услышав это, Эхуан почему-то почувствовала, как сердце заколотилось, словно готовое выпрыгнуть из груди. Ее голос дрожал:

— Э-э! Подождите, я открою.

Говоря это, она встала, поспешно поправила край своей одежды, потрогала лицо, чтобы успокоиться, и направилась к двери.

Когда она открыла дверь, Хупо стояла снаружи с чуть более серьезным выражением, чем обычно, и с любопытством в глазах:

— Сестра, вы с утра сидите в комнате, неужели что-то случилось?

Эхуан, нервничая, пробормотала:

— Ничего серьезного... Просто говорили о свадьбе моего брата, мама долго обсуждала это со мной.

Закончив, она почувствовала, что сама себя выдала. Хупо даже не упоминала о том, что она задержалась дома, а она уже начала оправдываться.

— Поздравляю вашего брата, — Хупо, казалось, не сомневалась в ее словах. — Давайте зайдем внутрь и поговорим.

Эхуан поспешно отступила в сторону, давая Хупо войти:

— О, да, да... Заходите.

Но когда Эхуан, нервничая, закрыла дверь и села рядом с Хупо на кровать, между ними наступило долгое молчание.

Неизвестно, сколько времени прошло, но когда Эхуан уже не могла больше выносить эту тишину и собиралась заговорить, Хупо наконец сказала:

— Сестра, мы с вами служим молодому господину уже четыре года, верно?

Эхуан, не задумываясь, сразу ответила:

— Да, если считать, то уже больше четырех лет.

— Цуйлянь пришла позже нас, но она тоже появилась в Восточном дворе в следующем году. Цзыфу и Цзыхуай пришли только в этом году. Если подумать, то из старых слуг рядом с молодым господином остались только мы с вами.

Неизвестно, намеревалась ли Хупо что-то сказать, но слушательница точно восприняла это серьезно... Услышав о Цуйлянь и Цзыфу, Эхуан не могла не думать об их судьбе.

— Вы правы, но теперь, когда Цзыхуай помогает вам ухаживать за молодым господином, я стала свободнее.

Цзыхуай была из Покоев Сяофу, но, судя по всему, она неплохо справлялась с обязанностями рядом с молодым господином. Иногда было непонятно, что он задумал.

Авторское примечание: Спасибо Мэнмэн Чжую за поддержку! (*J 3 L)

<http://bllate.org/book/17693/1651500>